

© 1999 г.

В.П. ГАЛИЦКИЙ

ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В СССР

Судьба японских военнопленных и интернированных, находившихся в СССР во время и после второй мировой войны, занимает важное место в истории российско-японских отношений. Их трагедия остается одной из незаживающих ран в исторической памяти японского народа. Она в той или иной степени коснулась каждой японской семьи.

Этот вопрос наряду с проблемой "северных территорий" долгие годы использовался для разжигания антисоветских, антирусских настроений. В Японии считают, что подписание мирного договора между Россией и Японией не может быть осуществлено без включения в него двусторонних договоренностей по решению проблем бывших военнопленных.

До сих пор российская и японская общественность не достаточно информированы об обстоятельствах плена и содержания японских военнослужащих в СССР. Тоже самое можно сказать и о судьбе советских военнопленных и интернированных японскими властями русских в Маньчжурии. Советские граждане в японском лагере "Хогайн" находились в нечеловеческих условиях. На советских и китайских гражданах в секретных лагерях под Харбином производились эксперименты с бактериологическим оружием.

К сожалению, число советских военнопленных, захваченных Японией во время войны 1945 г. установить невозможно. Все наши попытки с помощью японской стороны выяснить этот вопрос не привели к положительному результату. По опросам советских участников войны 1945 г. с Японией известно, что все красноармейцы, захваченные в плен, были зверски уничтожены. Однако во время событий на Халхин-Голе в 1939 г. в японском плену оказалось свыше двух тысяч советских военнослужащих, которые вскоре были освобождены из плена: обменены на примерно тысячу японских военнопленных. Судьба этой тысячи японцев, освобожденных советским командованием из плена, была трагичной: почти все они были уничтожены японскими военными властями за то, что попали в плен¹. Ведь по самурайской традиции японец не должен сдаваться. Самураю следует покончить жизнь самоубийством, сделав хакари.

До 1990 г. в советской историографии проблема пребывания японцев в советском плену не затрагивалась. Закрытость материалов не позволяла провести ее глубокое и объективное исследование. Ни в Советском Союзе, ни за рубежом не были опубликованы точные данные о том, сколько японцев было в советском плену и сколько из них умерло.

Несмотря на появившиеся в последние годы публикации о японских военнопленных в СССР², эта тематика остается недостаточно изученной. Актуальность ее состоит в

Галицкий Владимир Прохорович – действительный член Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор.

¹ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – ЦХИДК), ф. 1п. оп. 3е, д. 1, л. 93–94.

² Дунаев В. Японцы из ГУЛАГа. – Литературная газета, 15.VIII.1990; Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР. – Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 6, с. 115–123; его же. Обретут ли покой усопшие? – Новое время, 1990, № 41, с. 38–39; его же. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. – Военно-исторический журнал, 1991, № 4, с. 66–78.

том, что строительство добрососедских отношений между Россией и Японией тормозится неурегулированностью проблем, связанных с итогами и последствиями второй мировой войны на Дальнем Востоке: Япония считает открытыми вопросы о так называемых "северных территориях"³ и о правомерности пленения Советским Союзом японских военнослужащих на Дальневосточном театре военных действий в 1945 г. и содержании их в плену в СССР.

21 октября 1997 г. в Москве состоялась очередная встреча активистов японской Ассоциации бывших военнопленных, российской научной общественности, представителей государственных и общественных организаций нашей страны. Такие встречи проходят ежегодно. Они посвящены территориальным вопросам и проблеме содержания японских военнопленных в СССР в 1945–1956 гг.⁴ На встрече 1997 г. была предпринята попытка выработать предложения по скорейшему урегулированию отношений между Японией и Россией, вызванных последствиями второй мировой войны.

Только объективная и достоверная информация может снять многие недоразумения, перевести полемику на академический уровень, и, тем самым, способствовать установлению нормальных добрососедских отношений между Россией и Японией. Автор видит свою задачу в том, чтобы на основе доступных ему архивных материалов бывшего главного управления НКВД-МВД СССР по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД-МВД), управления Совета министров СССР по делам депатриации, министерства иностранных дел СССР показать фактическое положение японских военнопленных в Советском Союзе, представить статистические данные и довести до научной общественности результаты новейших исследований.

Чем же определялся правовой статус военнопленных? До августа 1949 г. обращение с иностранными военнопленными в СССР регламентировалось Гаагской конвенцией 1907 г. и Женевскими конвенциями от 27 июля 1929 г. об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях и о содержании военнопленных, а после августа 1949 г. – Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. Содержание японских военнопленных в лагерях было организовано на основании "Положения о военнопленных", утвержденного постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г., которое было составлено с учетом требований международного права. Ни одно решение, касавшееся военнопленных, не принималось без ведома и согласия правительства СССР. Однако на практике органы НКВД-МВД СССР, ответственные за содержание иностранных военнопленных, не всегда придерживались требований международного права.

9 августа 1945 г. Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, выполняя решения Тегеранской 1943 г., Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. начал военные действия против Японии. В ходе стремительного наступления советских войск, сил Тихookeанского флота и Амурской военной флотилии объединенных и соединения японской армии в Маньчжурии, Корее, Южном Сахалине и на островах Курильской гряды были полностью разгромлены к концу августа 1945 г. По закрытым в то время официальным сведениям в результате боевых действий и капитуляции японских войск в советском плену оказалось 639 635 японских военнослужащих⁵. Однако в прессе были опубликованы иные данные. В сводке Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. сообщалось, что в советский плен попали 594 тыс. японских солдат и офицеров, 148 генералов, в том числе до 20 тыс. раненых военнослужащих. Эта же цифра в сентябре 1946 г. была названа членом Союзного Совета для Японии от СССР генерал-лейтенантом К.П. Деревянко в письме в штаб генерала Д. Макарова, который командовал оккупационными войсками союзников в Японии. На основе

³ См.: Орловский Э. "Северные территории" – на Курильские острова. – Новое время, 1991, № 17, с. 18–19; Плотников Н. Подоплека. Японские суда нарушают границу РФ даже после деневерского реверанса Токио в сторону Москвы. – Независимая газета, 27.VII.1997.

⁴ Бюллетени японской Ассоциации бывших военнопленных, 1988, № 103; 1989, № 111; 1990, № 117; 1993, № 9.

⁵ ЦХИДК, ф. 1п, оп. 30е, д. 1, л. 2.

письма Деревянко эта цифра была включена в отчет штаба оккупационных войск союзников об итогах демобилизации японских вооруженных сил.

Анализ переписки министров иностранных дел и министров внутренних дел СССР по данному вопросу свидетельствует о царившей в этих ведомствах полной неразберихе, о чем в октябре 1948 г. писал в справке № 28/2 ДВ (Дальний Восток – В.Г.) сотрудник министерства иностранных дел П. Ануров. В документе указывалось, что по данным генерального штаба вооруженных сил на 15 июля 1948 г. советскими войсками было взято в плен 634 100 японских военнослужащих, из которых 484 334 было передано в распоряжение МВД. На территорию СССР было перевезено 543 767 человек.

Результаты проведенного нами исследования показали, что эти сведения не точные. В других официальных документах называются иные цифры. В письмах министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова И.В. Сталину и Л.П. Берии указывалось, что было пленено 639 776 солдат и офицеров японской армии, из них 609 448 японцев, 15 934 китайцев, 10 206 корейцев, 3633 монголов, 486 маньчжурцев, 58 русских и 11 малайцев⁶. В докладах руководства МВД правительству СССР назывались разные цифры: 1 января 1949 г. – 590 830; в другом документе за это же число – 639 776, 12 октября 1956 г. – 639 635, 13 октября 1956 г. – 639 776 военнопленных японской армии⁷. Но и эти данные не являются точными.

Изучение архивных документальных материалов ГУПВИ показывает, что советское правительство заблаговременно за несколько месяцев до начала войны с Японией готовилось к поступлению большого количества японских военнопленных. Сразу же после начала войны с Японией на территории Маньчжурии были созданы 20 фронтовых лагерей для военнопленных. Они были развернуты в Харбине, Чаньчуне, Мукдене, Юштуне, Муданьцяне, Цзохэ-Уахэ, Гирине, поселке Хуашулиныцы, на станциях Лагу (два лагеря), Яньцзы (два лагеря), Кинчан, Кумусан, Хэйдзио, Канкояч, Сунь, Бэйаньжен, Фанчжень и Цзямысы⁸.

Организация приема пленных была возложена на ГУПВИ, которое развернуло при управлении тыла Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов свои отделы по делам военнопленных, которые были укомплектованы сотрудниками, имевшими опыт работы с иностранными военнопленными, захваченными на европейском театре военных действий. За время боев на Дальнем Востоке отделы НКВД по делам военнопленных при управлении тыла фронтов приняли 608 360 солдат и офицеров японской армии⁹. СНК СССР своим постановлением № 9898 от 29 августа 1945 г. санкционировал завоз на территорию СССР 520 000 японских военнопленных для использования их в восстановлении разрушеннойвойной экономики. На основании этого решения уже к 30 октября 1945 г. на территорию СССР было доставлено 219 356 военнопленных японцев. В это же время в пути находилось еще 147 822 человека, а в районе боевых действий оставалось 211 182 военнопленных¹⁰.

Общее количество захваченных советскими войсками в плен японских солдат и офицеров в ряде случаев указывалось неточно, что приводило к запутыванию статистической отчетности и к дезинформированию государственных структур, решавших вопросы содержания военнопленных. В сентябре 1956 г. правительство СССР вынуждено было дать персональное указание министру внутренних дел Круглову разобраться с этой статистикой и доложить точные цифры. Однако МВД так и не смогло установить точные данные о количестве японских военнопленных.

12 октября 1956 г. МВД доложило правительству общую цифру взятых в плен японцев: 639 635 человек, в том числе 170 генералов, 26 345 офицеров и 613 120 унтер-офицеров и рядовых. Очевидно, что-то в этом докладе первому секретарю ЦК

⁶ Там же, оп. 19 т. д. 6, л. 38–39, 41а.

⁷ Там же, оп. 30е, д. 1, оп. 01е, д. 4.

⁸ Там же, оп. 21а, д. 41, л. 274–275.

⁹ Там же, оп. 23а, д. 1, л. 30; оп. 01е, д. 46, л. 12.

¹⁰ Там же.

ППСС Н.С. Хрущеву не понравилось и он затребовал новые данные. 13 октября 1956 г. МВД в повторном докладе по данному вопросу сообщило, что всего было пленено 639 776 солдат и офицеров японской армии, из них 191 генерал, 26 583 офицера и 33 002 унтер-офицера и рядовых.

Учитывая разнобой в цифрах, характеризующих количественный и национальный состав военнопленных японской армии, автором был проведен сравнительный анализ официальных данных, сообщавшихся в различные инстанции и в разное время. Результаты проделанной работы обобщены в приведенных в конце статьи таблицах. Анализ таблицы № 4 и сравнение ее с данными таблиц № 1–3 позволяет утверждать, что всего было пленено советскими войсками 640 105 военнослужащих японской армии, а не 639 776, как следует из документов ГУПВИ. 578 035 человек было депатриировано, 62 070 – умерло по различным причинам в плену. По явно заниженным данным ГУПВИ число умерших составило 37 872 человека (см. таблицу № 5).

Несмотря на достоверность приведенных сведений, автор считает, что статистические исследования нельзя считать завершенными, так как некоторые японские военнопленные в разное время бежали из мест содержания и не на всех из них обнаружены документы. Так, например, с 1945 г. по 1 сентября 1949 г. по официальным данным в "бегах" находилось 313 японских военнопленных¹¹. Следует отметить, что некоторые японцы после освобождения из плена остались на постоянное жительство в СССР. Их точное количество пока не установлено.

Неясным остается вопрос о том, сколько японцев умерло в плену. Статистика ГУПВИ в этом отношении очень неточна и противоречива: ГУПВИ не располагало достоверными данными. Даже на секретные запросы министерства иностранных дел МВД отвечало без указания фактического количества умерших в плену японцев. По официальным данным, в 1945 г. вне территории СССР умер 22 331 военнопленный японской армии, из них 15 986 – на фронтах от ран и болезней, 3523 – в Северной Корее и 2822 – в Монголии. Перепроверка статистических данных о количестве умерших вне территории СССР показала, что достоверным является число 2 332.

До появления нашей статьи¹² публикаций статистических данных о японских военнопленных, умерших вне территории СССР, не было. Японская сторона, в частности Ассоциация бывших военнопленных, вела речь лишь о пленных японцах, умерших на территории СССР. Исследование показало, что и статистические данные о японских военнопленных, умерших в СССР, также являются неточными. По сведениям ГУПВИ на 1 января 1949 г. на территории СССР на 341 кладбище было захоронено 34 422 умерших военнопленных японской армии¹³. Обобщение документальных данных о количестве умерших в нашей стране пленных японцев, места захоронения которых находились в ведении МВД СССР, позволили установить, что с момента прибытия военнопленных японской армии в Советский Союз и до декабря 1956 г. умерли всего 37 872 человека. Мы сумели распределить эти данные по годам (см. таблицу № 5). Анализ таблицы № 5 позволяет заключить, что наибольшее число военнопленных японцев, умерших на территории СССР, приходится на 1946 г.: 24 804 человека. Это объясняется тем, что многие японские пленные по прибытии в СССР были ослаблены ранами, болезнями и тяготами недавно окончившейся фронтовой жизни: быстрое и длительное отступление под стремительным натиском советских войск; нервно-психические перегрузки боевой обстановки, восприятие плены как позора. Японцы испытывали трудности в связи с многодневной транспортировкой в лагеря ГУПВИ, иногда сопровождавшейся длительными пешими переходами, недостатком и однообразием питания, новыми и непривычными для них климатическими и социально-психологическими условиями.

Непосредственными причинами смертности были: а) естественная смерть от ста-

¹¹ Там же, оп. 01е, д. 46, л. 17–74.

¹² Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы.

¹³ ЦХИДК, ф. 1п, оп. 05е, д. 1290, л. 24.

ности, болезней, вызванных суровым климатом, особенно во время содержания в северных районах Иркутской, Читинской, Магаданской и других областей; б) смерть от несчастных случаев на производстве и в быту, самоубийства, убийства пленными друг друга по бытовым, политическим, уголовным и иным мотивам, убийства конвоем при попытке к бегству.

В архивных документах нами не найдено никаких данных о репрессиях по отношению к японским военнопленным со стороны советского государства. Имели место лишь факты привлечения военнопленных к уголовной ответственности за военные преступления без установления полного состава преступления и достаточных доказательств вины, а также закрытые судебные процессы без участия защиты. К нарушениям норм международного права в содержании военнопленных, определенных Женевской конвенцией от 27 июля 1929 г., следует отнести и нарушение права военнопленных на переписку с родственниками. Переписка была разрешена лишь в 1946 г. Установлено скрытие списков военнопленных, которые не были полностью опубликованы и не переданы ни японской стороне, ни Международному Красному Кресту. Не было также сообщено точное количество умерших военнопленных, их фамилии и места захоронения, не выдавались соответствующие документы о пребывании и работе в плену. Такие справки стали выдаваться лишь с конца 1991 г. В том же году японской стороне были переданы полные списки бывших военнопленных.

Эти нарушения составляли и продолжают составлять предмет основных претензий японской стороны. Проводившиеся в Японии и в России в 1990, 1993, 1996, 1997 гг. совместные симпозиумы и конференции показали, что претензии японской стороны сводятся в основном к тому, что Советский Союз нарушил пакт о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 г. и статью 9 Потсдамской декларации 1945 г., гласившую, что военнопленные японской армии будут депатриированы как можно скорее; СССР не представил при депатриации военнопленных документы с указанием остаточной суммы заработка в плену, игнорируя статью 66 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г., согласно которой "держащая в плену держава должна выдать ему (военнопленному. – В.Г.) документ, подписанный уполномоченным на то офицером этой державы, в котором будет указано кредитовое сальдо, причитающееся ему в конце нахождения в плену"¹⁴; СССР не предоставил японской стороне списков умерших и мест их захоронения, игнорируя статью 14 Гаагской конвенции и статью 120 и 121 Женевской конвенции 1949 г.: "Акты о смерти военнопленных должны как можно скорее передаваться в Справочное Бюро по делам военнопленных, которое должно быть создано в каждой воюющей стране. Это Бюро должно как можно скорее передать эту информацию в Центральное Справочное Агентство по делам военнопленных, учреждаемое в нейтральной стране", в результате чего вплоть до 1991 г. родственники умерших не имели сведений о своих близких и не могли посетить могилы родных; СССР не предоставлял права осужденным военнопленным подавать апелляционную или кассационную жалобу на всякий вынесенный приговор или просить о пересмотре дела, в результате чего ошибочно осужденные в советском плену оказались лишенными прав военнопленных.

Японской Ассоциацией бывших военнопленных в январе 1997 г. были распространены "Материалы, касающиеся правовой основы и международной практики выплаты компенсации за работу в плену", в которых были вновь поставлены все эти и новые вопросы. Дело в том, что выданные российскими правительственными организациями справки о работе в плену и о реабилитации не имеют юридической силы в Японии без официального представления их по дипломатическим каналам в установленной в международной практике форме. Без этой процедуры вопрос о выплате компенсации со стороны японского правительства не может быть решен положительно. Соглашение от 18 апреля 1991 г. "О лицах, находившихся в плену" по ряду других вопросов нарушает права военнопленных и их родственников. Российской стороной

¹⁴ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и дополнительные Протоколы к ним. М., 1994. с. 86.

еще не представлены списки примерно на 25 тыс. человек, умерших в плену. Пока не решен вопрос о безвизовых поездках в Россию родственников умерших японских военнопленных. Неоднократные обращения японской Ассоциации бывших военнопленных в министерство иностранных дел РФ остались без ответа.

Изучение истории взаимоотношений между Японией и СССР в 1941–1956 гг., а также международных правовых документов, определяющих порядок содержания военнопленных в период нахождения их на территории СССР в 1945–1956 гг., показывает, что не со всеми претензиями японской стороны можно согласиться.

Во-первых, советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. в 1941–1945 гг. неоднократно нарушался японской стороной. Японцы нападали на советские суда, вторгались в территориальные воды СССР, систематически передавали гитлеровской Германии разведывательные сведения о состоянии советских вооруженных сил, оказывали экономическую, политическую и военную помощь Германии, воевавшей против СССР. В 1941–1944 гг. японские военные корабли смыши 200 раз осуществляли незаконный досмотр советских торговых и рыболовецких судов, нередко применяя против них оружие. Убытки от таких действий Японии в 1941–1944 гг. составили 637 млн. рублей в ценах 1944 г.¹⁵

Во-вторых, согласно положениям международного права репатриация военнопленных осуществляется после заключения мирного договора, а такой договор не заключен между нашими странами до сих пор. При этом следует подчеркнуть, что в статье 9 Потсдамской декларации не указаны конкретные сроки репатриации. Этот вопрос регулировался постановлениями Совета министров СССР № 2235–921 от 4 октября 1946 г. и 19 декабря 1946 г. и "Соглашением, достигнутым по вопросу репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории Союза Советских Социалистических Республик и с территорий, находящихся под контролем СССР, в Японию, а также корейских граждан из Японии в Корею севернее 38 градуса сев. широты", подписанным 19 декабря 1946 г. представителем главнокомандующего союзных держав в Японии генералом-майором армии США П. Миллером и генерал-лейтенантом Деревянко. В параграфе 2 раздела 2 этого соглашения было указано, что "темпер репатриации устанавливается в 50 тыс. человек в месяц из всех советских портов, перечисленных в параграфе 1 раздела (раздела 2. – В.Г.). Этими портами были Находка, Маока, Гензан, Канко и Дальний (Дайрен). Такое же число репатрируемых в месяц было указано и в постановлении правительства СССР от 19 декабря 1946 г. Притом численность репатриантов по категориям (военнопленные или гражданские лица) не конкретизировалась. И только в постановлении Совета министров СССР № 481–186 от 8 марта 1947 г. состав репатрируемых граждан Японии был определен по категориям: 20 тыс. военнопленных и 30 тыс. гражданских лиц в месяц при сохранении общего темпа ежемесячной репатриации в 50 тыс. человек¹⁶.

Установленные темпы репатриации в основном выдерживались. Причиной задержки репатриации была лишь неустойчивая погода на море и отсутствие круглогодичной навигации между Японией и СССР.

Отметим, что Советский Союз начал репатриацию военнопленных японской армии уже в 1945 г. По официальным данным, советским командованием на территории Маньчжурии и Северной Кореи было репатриировано 65 176 раненых и больных японских военнослужащих, в том числе 40 369 японцев по национальности (см. таблицу № 6). В последующем ежегодно репатриировалось в среднем около 100 тыс. человек, с 1 мая по 1 декабря 1948 г. из лагерей ГУПВИ было передано органам репатриации СССР 164 982 японских военнопленных. По официальным данным МВД, доложенным в министерство иностранных дел, к 10 декабря 1948 г. в Японию было отправлено 915 690 японских граждан. Из них: 418 152 военнопленных (383 293 из СССР, 12 456 с

¹⁵ Галицкий В.П., Зимонин В.П. Десант на Хоккайдо отменить! – Военно-исторический журнал, 1994, № 3, с. 6.

¹⁶ Архив внешней политики министерства иностранных дел России (далее – АВП РФ), ф. 31, оп. 16, л. 289, л. 31–33.

Ляодунского полуострова, 22 403 с территории Северной Кореи); 497 538 гражданских лиц (275 329 с территории Южного Сахалина, 210 050 с Ляодунского полуострова, 7 802 из Северной Кореи и 4 357 интернированных из СССР)¹⁷.

Это позволило к 22 апреля 1950 г. отправить в Японию 510 409 военнопленных. На территории СССР к этому времени остались лишь около 3 тыс. человек, осужденных за уголовные и военные преступления, из них 971 японский военный преступник, совершивший преступления против китайского народа, был передан Китаю. По мере отбывания наказания осужденные депатрировались в Японию. На 20 ноября 1956 г. на территории СССР содержалось 1036 осужденных военных преступников из числа японских военнопленных¹⁸, которые, за исключением одного, умершего от болезни в Хабаровске, после подписания 19 октября 1956 г. совместной декларации о прекращении состояния войны между СССР и Японией были досрочно освобождены и по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 13 и 23 декабря 1956 г. "О досрочном освобождении осужденных японских граждан и их депатриации" возвратились на родину.

Следовательно, Советский Союз не только не нарушил взятые на себя обязательства по депатриации японских граждан, но и по своей инициативе преодолевая многие трудности планомерно осуществлял этот процесс: после окончания войны в Европе шла массовая депатриация из СССР свыше трех миллионов военнопленных и интернированных немцев, австрийцев, итальянцев, румын, людей более трех десятков национальностей. Советский Союз возвращал из-за рубежа свыше четырех миллионов своих граждан. Это "великое переселение народов" требовало огромных затрат. Только на депатриацию военнопленных японской армии с 1946 по 9 декабря 1948 гг. МВД СССР было израсходовано 167 миллионов 284 тысячи 323 рубля в ценах 1948 г.¹⁹

В-третьих, как было сказано, согласно статье 66 Женевской конвенции 1949 г. об обращении с военнопленными держава в плену держава должна выдать военнопленному документ, в котором будет указано кредитовое сальдо, причитающееся ему в конце нахождения в плену. Да, советское правительство не выдавало справок, требуемых статьей 66 Женевской конвенции, но дает ли это право правительству Японии отказать в материальной компенсации своим гражданам, которые в силу военных обстоятельств, а также по вине японского государства, являвшегося одним из инициаторов второй мировой войны, находились в плену в СССР? Бюрократический аргумент об отсутствии справки из плены не является убедительным. Если правительству Японии необходимо иметь официальное подтверждение о пребывании в советском плену 547 593 своих депатриированных граждан, из которых в настоящее время осталось в живых около 200 тыс., то оно должно поднять свои архивы, так как советской стороной военнопленные передавались персонально по спискам или актам уполномоченным представителям правительства Японии. Списки составлялись в двух экземплярах и скреплялись печатями и подписями уполномоченных представителей СССР и Японии. Один экземпляр такого списка оставался у советской стороны, а второй передавался японской. Если правительство Японии заинтересовано в решении этого вопроса, то оно бы давно официально запросило правительство СССР о наличии кредитовых сальдо каждого из военнопленных.

Причина в другом: определенные круги Японии заинтересованы в том, чтобы 547 593 бывших военнопленных, прибывших из СССР живыми и здоровыми на родину, а также их семьи находились в худшем материальном положении, чем японские военнопленные, возвратившиеся из американского и английского плена. Это длительное время способствовало поддержанию негативного отношения части японских граждан к СССР и России. По данным совместного опроса общественного мнения в Японии, проведенного агентствами ТАСС и Киодо Цусин в 1990 г., 34,2% японцев прямо заявляли о своем недоброжелательном отношении к СССР²⁰.

¹⁷ АВП РФ, ф. 32, оп. 15, д. 298, л. 18.

¹⁸ ЦХИДК, ф. 1п, оп. 19 т, д. 6, л. 65.

¹⁹ Там же, оп. 01е, д. 46, л. 151–153.

²⁰ Известия, 25.XI.1990.

Со второй половины 1946 г. японская общественность активно стала проявлять интерес к судьбе своих соотечественников в плену. 17 октября 1946 г. Ассоциация японских женщин Фуфу направила петицию японских женщин ко всем женщинам СССР с просьбой оказания содействия в быстройшой репатриации японских военнопленных. В этом письме была высказана просьба сообщить о своем решении в Ассоциацию японских женщин. Была ли доведена эта просьба до советских женщин и их комитетов – не известно.

27 марта 1948 г. спикер палаты представителей парламента Японии Мацуока Комити, председатель палаты советников Мацуока Цунэо и председатель постоянного комитета по репатриации палаты представителей Амано Хасай направили письмо Сталину с просьбой ускорить репатриацию японских военнопленных²¹.

1 сентября 1948 г. на имя Сталина была направлена петиция от представителей находящихся детей префектур Ивафунегун, Нийгатвакэн и других, в которой высказывалась просьба о быстрейшем возвращении их отцов и братьев домой: "Генералиссимусу Сталину! Уже с восьми до десяти лет прошло с того момента, как уехали наши отцы и братья, в которых мы видели единственную жизненную опору. Они до сих пор еще не вернулись. Мы ждем их с нетерпением. Если они не вернутся в этом году, в нашей семейной жизни будут большие трудности. Мы просим Вас вернуть их как можно скорее. За это мы будем очень благодарны Вам"²².

Сталину шли петиции и от местной администрации населенных пунктов Японии. 10 января 1953 г. на его имя поступило письмо от начальника Общества городских голов всех японских городов Мицуди Накая, в котором он просил о скорейшей репатриации японских военнопленных и гражданских лиц все еще задерживаемых в СССР.

После 1953 г. отдельные лагеря, где содержались японские военнопленные, неоднократно посещались различными японскими делегациями. По решению ЦК КПСС от 30 мая 1955 г. японским ученым было разрешено посещать лагеря для осужденных японских военнопленных. 1 июня 1955 г. японские профессора Нашбара Сигэру и Мутю Масао в сопровождении корреспондента газеты "Асахи" Киёкава Юкэти посетили расположенный в 28 км от г. Иваново лагерь № 48 в селе Чернцы, где в то время содержалось 36 осужденных японских военнопленных – 24 генерала, 10 офицеров и рядовых²³. Лагерь № 48 осенью 1955 г. посетила группа японских парламентариев, а 10 мая 1956 г. – делегация во главе с министром земледелия и лесоводства Японии Итиро Коно. Коно и сопровождавшие его лица за три с половиной часа полностью и без каких-либо ограничений осмотрели весь лагерь, непринужденно общались с осужденными японскими военнопленными. Коно интересовался всеми сторонами жизни и быта военнопленных и был поражен хорошим содержанием осужденных. Перед отъездом из лагеря Коно заявил: "Под словом лагерь где находятся осужденные, мы в Японии представляли не то, что мы увидели лично. Мы поражены тем, что наши соотечественники содержатся в хороших условиях. Мне не было заявлено ни одной жалобы. По возвращении в Японию я доложу нашему правительству о том, как содержатся наши соотечественники"²⁴.

Безусловно, не во всех лагерях, где содержались японские военнопленные, были хорошие условия. Вместе с тем, результаты изучения документальных данных, отражающих режим содержания, трудового использования и медицинского обеспечения пленных, позволяют высказать мнение о том, что советское государство относилось к японским военнопленным гуманно, соблюдало требования международного права.

Гуманность проявлялась и в проведении репатриации осужденных японских военнопленных. Так, командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо, осужденный как военный преступник, был досрочно освобожден от уголовного наказания и

²¹ АВП РФ, ф. 32, оп. 13, д. 298, л. 81–84.

²² Там же, оп. 14, д. 298, л. 57–67.

²³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 9401, оп. 2, д. 464, т. 2, л. 512–514.

²⁴ ЦХИДК, ф. 1п, оп. 7т, д. 7, л. 111.

репатриирован по постановлению Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г. и изданного на его основании Указа Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г. Перед отъездом из лагеря № 48 Ямада на организованном 16 мая 1956 г. администрацией лагеря прощальном ужине сказал: "Советское правительство проявило обо мне горячую заботу, о чем я не могу не сказать с чувством глубокой благодарности. Я прекрасно сознаю, что и сегодняшний прекрасный ужин, специально организованный в связи с моим отъездом на родину, является одним из проявлений любезности и внимания ко мне со стороны Советского правительства... За последние годы представители советского народа имели целый ряд возможностей вступить в непосредственный контакт с японским народом и узнать ближе нашу страну. Я надеюсь, что это взаимопонимание советского и японского народов явится базой для развития дружественных отношений между СССР и Японией. После возвращения в Японию я приложу свои старания для укрепления советско-японской дружбы"²⁵.

Генерала Ямаду, как и других оказавшихся в плену представителей японской военной элиты, содержали в хороших условиях, что давало свои результаты. Так, от Ямады были получены важные исходные документальные материалы для подготовки Токийского и Хабаровского судебных процессов над японскими военными преступниками. На этих процессах разоблачалась агрессивная политика Японии на Дальнем Востоке в Китае, в Восточной Азии.

Выражение пленными благодарности советским властям за хорошее к ним отношение не было лишь проявлением традиционной японской вежливости. Написание "благодарственных" писем Сталину было поставлено руководством ГУПВИ на поток. Так, японскими военнопленными было изготовлено "благодарственное" послание на имя Сталина, вышитое на шелковом белом полотне с красным подкладом, длина которого была 26,5 метров. Это письмо подписали 64 тысячи японских военнопленных²⁶. Сталину было посвящено множество картин, в частности военнопленного художника Сакай Эйхачиро²⁷.

Во время содержания японских военнопленных в советском плену важное значение придавалось их политическому перевоспитанию. В этих целях была использована сеть политических школ и курсов, функционировавшая во время Великой Отечественной войны для подготовки инструкторов и активистов антифашистского движения из военнопленных германской, итальянской, венгерской и румынской армий. При каждом лагере для японских военнопленных были созданы курсы, а в Хабаровске, Чите, Иркутске и в других крупных городах организованы политические школы. Программа подготовки инструкторов и активистов "демократического движения" среди японских военнопленных зависела от категории курсантов и сроков их подготовки. Она была рассчитана на 600–1200 часов. Японцы в основной своей массе с энтузиазмом воспринимали идеи социализма, преподававшиеся на занятиях в политшколах и курсах. Для японца близки и понятны идеи общего ведения хозяйства, оказания помощи в трудную минуту, взаимовыручки. Жизненный уровень среднего японца до и во время второй мировой войны был очень низким, обеспечить нормальное содержание семьи было сложно. Ведение японским правительством многолетних войн на материке с Китаем, на островах Тихого океана, в Синае ложилось тяжелым бременем на плечи простых людей.

Японские пленные были изолированы от правдивой информации о жизни советских людей, а официальные публикации, радиопередачи, кино создавали у них иллюзию благополучия. В тех случаях, когда японские солдаты работали вместе с советскими людьми и имели возможность бывать в населенных пунктах, увиденная ими тяжелая жизнь простых людей объяснялась тяготами многолетней войны. Японцев уверяли в том, что после восстановления разрушенного войной хозяйства жизнь будет значи-

²⁵ Там же, л. 116.

²⁶ Там же, ф. 4п, оп. 28я, д. 1.

²⁷ Там же, д. 13.

ельно лучшие. Японцы, перенесшие лишения войны, с пониманием относились к такому языку объяснениям и верили им. Многие японские военнопленные, не только члены коммунистической партии Японии (КПЯ), такие как Мицуо Хакамада и Рокуро Сайто²⁸, ставший впоследствии председателем японской Ассоциации бывших военнопленных, с энтузиазмом обучались в политшколах, являлись активными проводниками идей социализма среди японцев. Что касается японских военнопленных офицеров, то основная их масса была враждебно настроена не только к СССР, но и к политической обработке японских военнопленных со стороны лагерной администрации.

О серьезности политической обработки японцев в советских политшколах свидетельствует программа курса по истории Японии и ее взаимоотношений с Россией и СССР. Этот курс был нацелен на формирование классового восприятия исторического материала. Учитывая, что в такой трактовке японцы ранее никогда свою историю не слушали, а также то, что основная масса японских военнопленных была дезинформирована о политической жизни в своей стране и в мире, слушатели с интересом воспринимали новую для них информацию. После такого рода занятий и политических информаций, которые регулярно проводились со всеми категориями японских военнопленных, среди пленных возникали жаркие дискуссии, иногда переходившие в споры.

О влиянии на японцев идей социализма можно судить по тому факту, что департированные в 1946–1947 гг. японские военнопленные по прибытии на родину начали пропагандировать эти идеи, за что местные власти вынуждены были многих из них арестовать. Все это послужило поводом к тому, что Генеральный секретарь КПЯ А. Токуда в марте 1947 г. обратился с просьбой в ЦК ВКП(б) изменить направленность политической обработки японских военнопленных в сторону внушения им мысли о том, что победа социалистической революции в Японии дело длительное и необходима спокойная разъяснительная работа в течение многих лет.

В соответствии с требованиями международного права японским военнопленным была предоставлена возможность отправления своих религиозных культов и организаций досуга. Для них издавалась на японском языке газета "Ниппон симбун", корреспондентами которой были военнопленные. В каждом лагере для японских военнопленных систематически работала стенная печать. В стенгазетах освещалась жизнь пленных, отмечались передовики труда. Стенная печать была логическим продолжением пропагандистских мероприятий, проводившихся "Ниппон симбун". В каждом лагере был клуб, киноаппаратная, радиоузел и библиотека. При некоторых крупных лагерях были даже созданы постоянно действующие хоровые, театральные и вокально-инструментальные ансамбли, которые выступали с концертами и постановками пьес перед военнопленными и жителями ближайших к лагерю поселков. Пьесы для таких спектаклей писались японцами, или инсценировались произведения советских авторов, такие, как "Молодая гвардия" А.А. Фадеева. Женские роли, как и положено по японской традиции, исполнялись мужчинами. Большой популярностью среди японских военнопленных, поддержавшихся на территории Иркутской области, пользовался ансамбль "Новый голос", созданный при лагере № 7 города Тайшета²⁹.

Для японцев было характерно строгое соблюдение своих национальных, государственных и некоторых военных традиций, стойкое перенесение тягот и лишений плены, материнская забота о раненых, больных иувечных своих товарищах, а также и искренний и глубокий интерес к советским людям, их истории, литературе, искусству, скромное, выдержанное отношение к своей судьбе.

Учитывая национально-психологические особенности японского народа и его обычай, военнопленным разрешалось вывозить с собой во время депатриации кромеличных вещей художественную литературу, художественные и почтовые открытки, а

²⁸ Рокуро Сайто за большой вклад в японо-российское сотрудничество был награжден орденом Дружбы народов, врученным ему Президентом России Б.Н. Ельциным 12 апреля 1993 г.

²⁹ ЦХИДК, ф. 4п, оп. 30, д. 2.

также хранящиеся у некоторых из них локоны волос и фаланги пальцев умерших в плену соотечественников как память о погибших друзьях³⁰. Дело в том, что по японской традиции необходимо в обязательном порядке привезти тело погибшего в боя на Родину. Учитывая, что Япония вела боевые действия далеко от своих берегов и на доставку тел погибших потребовались бы огромные материальные затраты, японское правительство и военное командование пошло на нарушение этой вековой традиции. В "Памятке японского солдата и младшего офицера", изданной военным министерством Японии в августе 1938 г., было дано следующее разъяснение: "Смерть на фронте – это обязанность военного человека. Мы должны воевать до конца, не жалея своих сил и крови, поэтому мы должны разъяснить своей семье, что труп каждого человека не обязательно возвращать домой и хоронить на родине. Мы должны предварительно оставить свои портреты или волосы на память"³¹.

В лагерях, где содержались японские военнопленные, широко практиковалось самоуправление и самообслуживание, общение с советскими людьми не пресекалось. Питание японских военнопленных было организовано с учетом их национальных традиций. По сравнению с военнопленными европейских армий в продовольственное снабжение японцев в больших объемах включались рис, рыба, овощи. Так, согласно нормам суточного довольствия для японских военнопленных, объявленных приказом МВД СССР № 450 от 15 ноября 1946 г., им было положено по норме № 6 (основной): хлеба из муки простого размола – 350 грамм, риса – 300 грамм, рыбы – 150 грамм для содержащихся в районах Дальнего Востока и Сибири и 100 грамм для содержащихся в других районах СССР, овощей свежих или соленых и картофеля – 800 грамм и т.д. По норме № 7 суточного довольствия для общегоспитальных больных из числа японских военнопленных на одного человека в сутки было положено: хлеба из муки простого размола – 200 грамм, риса – 400 грамм, рыбы – 100 грамм, молока свежего – 200 грамм, овощей свежих или соленых – 500 грамм и т.д. По норме № 8 суточного довольствия для военнопленных японских генералов и по норме № 9 суточного довольствия для военнопленных японских офицеров в день на одного человека было положено: хлеба из муки простого размола – 300 грамм, риса – 300 грамм, овощей свежих или соленых – 600 грамм и т.д.³²

Для сравнения приведем объявленные тем же приказом данные о суточном довольствии для немецких военнопленных. На одного военнопленного немца в день выдавалось: хлеба – 600 грамм, рыбы – 50 грамм, а рис выдавался только общегоспитальным больным в количестве 10 грамм на человека в день (норма № 3)³³.

Правда, нормы снабжения как военнопленных, так и военнослужащих Красной Армии на практике не всегда выполнялись.

Анализ публикаций в японской прессе³⁴ по проблеме японских военнопленных показывает, что наиболее часто обсуждаются такие вопросы: являлись ли захваченные советскими войсками военнослужащие японской армии военнопленными, почему они содержались в плена в СССР более четырех лет, каковы причины относительно высокой смертности, составлявшей 10%, почему отсутствуют официальные данные о количестве военнопленных, умерших в СССР, где они захоронены? Эти вопросы, по мнению некоторых общественных деятелей Японии, являются более важными, чем проблема "северных территорий".

Прежде всего ответим на вопрос, были ли японские солдаты и офицеры, захваченные советскими войсками во время войны с Японией в августе–сентябре 1945 г. военнопленными или интернированными?

³⁰ Там же, ф. 1п, оп. 19т, д. 6, л. 65–67.

³¹ Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 32, оп. 11306, д. 1, л. 318–343.

³² ЦХИДК, ф. 1п, оп. 37а, д. 1.

³³ Там же, л. 126–127.

³⁴ См. Бюллетени японской Ассоциации бывших военнопленных, 1989, № 111; 1990, № 123; 1993, № 9.

Мы исходим из того факта, что Советский Союз находился в состоянии войны с Японией и с обеих сторон велись боевые действия, а также из того обстоятельства, что СССР соблюдал требования международного права, касающегося правил и обычаев ведения как сухопутной, так и морской войны. Анализ основных источников международного права по проблеме военнопленных, действовавших в то время, показывает, что военнослужащие японской армии, захваченные в плен советскими войсками в период войны с Японией, полностью подпадают под статус военнопленных и являются таковыми. Право интернировать военнопленных, то есть задерживать, изолировать от окружающих, помещать в лагеря для военнопленных и содержать их в этих лагерях под охраной всецело принадлежит державе, во власти которой находятся военнопленные.

Военнослужащие армии государства, ведущего военные действия, статус интернированных получают только тогда, когда они окажутся в силу разных обстоятельств на территории нейтральных государств, то есть государств, не участвующих в данном вооруженном конфликте и заявивших об этом.

Чаще всего этот же статус получают гражданские лица, являющиеся гражданами воюющих государств и оказавшиеся в момент начала войны или в ходе нее на территории противника. Таким образом, интернированные – это: а) гражданские лица, захваченные (задержанные) одной из воюющих сторон на своей или контролируемой ее войсками территории; б) военнослужащие воюющей стороны, в силу разных обстоятельств оказавшиеся на территории нейтрального государства и задержанные им.

В связи с тем, что СССР находился в состоянии войны с Японией с 9 августа 1945 г., граждане Японии, находившиеся на момент начала войны на территории СССР, были интернированы (задержаны) и водворены в лагеря для интернированных на территории Советского Союза. Интернировано было 6658 японских граждан, которых сосредоточили в специально созданных лагерях. Часть из них размещалась вместе с японскими военнопленными, так как по международному праву содержание военнопленных и интернированных одинаково. На 1 марта 1949 г. интернированных японцев осталось в СССР 619 человек, 5934 человека к этому времени были депатриированы в Японию, 105 человек умерли по различным причинам³⁵.

Среди интернированных граждан Японии были не только мужчины, но и женщины, дети и старики. Интернирование проводилось как на территории СССР, так и на территории, занимавшейся советскими войсками.

Рассмотрим подробнее судьбу интернированных. Япония с 1931 г. стала осуществлять широкомасштабную оккупацию Маньчжурии, которая выражалась не только в размещении воинских гарнизонов по всей территории страны, но и в переселении граждан Японии целыми семьями с целью создания по возможности большего количества японского населения среди маньчжурцев. К 1945 г. в Маньчжурии уже насчитывалось около 1 млн. японских переселенцев³⁶.

По планам генерального штаба вооруженных сил Японии, японские переселенцы должны были составить мобилизационные резервы людских ресурсов Квантунской армии. Эта категория граждан Японии, а также члены семей военнослужащих Квантунской армии не были эвакуированы на Японские острова. Лишь незначительная часть японских гражданских лиц успела выехать из Маньчжурии и Кореи. Сотни тысяч японских граждан оказалась на оккупированной советскими войсками территории Кореи и Маньчжурии.

Следует отметить, что в японской армии проходили службу не только мужчины, но и женщины. Последние также захватывались в плен и содержались в плену наряду с мужчинами. В ходе исследования проблемы содержания в советском плену японских женщин автору пришлось встретиться с рядом трудностей, заключавшихся в том, что

³⁵ ЦХИДК, ф. 1п, оп. 01е, д. 46, л. 192–194.

³⁶ Зимонин В.П., Щебеньков Ю.В. Правда и ложь о японских сиротах. – Проблемы Дальнего Востока, 1987, № 3, с. 142.

пленные японки учитывались в системе ГУПВИ в общем порядке, а поэтому восстановить их точное число пока не представляется возможным. Более подробно данные о количестве военнопленных женщин получены лишь по 2-му Дальневосточному фронту. По данным командования этого фронта с 9 августа по 17 ноября 1945 г. имелось 367 женщин-военнопленных, из которых было передано местным властям 110, а в лагеря для военнопленных – 155. Остальные 102 военнопленные подлежали освобождению³⁷. Данных о том, были ли они освобождены, не обнаружено. Всего же войсками 2-го Дальневосточного фронта с начала боевых действий в Маньчжурии по 26 октября 1945 г. было пленено 124 980 военнослужащих японской армии, в их числе 119 008 японцев, 4046 китайцев и 1926 корейцев³⁸.

Японские женщины-военнопленные освобождались из плена после соответствующей проверки. Освобожденные советским командованием на территории Маньчжурии и Кореи японские женщины-военнопленные передавались, как правило под расписку, представителям японских обществ, которые были организованы почти в каждом населенном пункте. Так, в октябре 1945 г. председателю японского общества в городе Биянь господину Т. Таками было передано 36 женщин-военнопленных для последующего направления их в Комитет железнодорожного транспорта города Биянь³⁹. По данным НКВД на октябрь 1945 г. в лагерях для военнопленных, дислоцированных в городе Бияньчжень, содержалось 86 женщин-военнопленных, из них гражданство Японии имели 36⁴⁰. По оценочным данным автора, через советский плен прошло около полутора тысяч женщин японской, китайской и корейской национальностей. Исследование по уточнению их общего количества продолжается.

Были случаи, когда жены японских военнослужащих по собственной инициативе шли вместе с мужьями в советский плен, взяв с собою и детей. В этих случаях они, как правило, содержались в одном лагере вместе со своими мужьями. Дети вместе с родителями следовали в лагерь. Как правило, это были семьи, у которых не было средств для существования ни в Маньчжурии, ни в Японии, а поэтому они считали, что в плenу им вместе будет легче выжить. Советское командование и представители НКВД, принимавшие военнопленных, не возражали против такого желания жен военнопленных и интернированных.

На сегодняшний день в российских архивах выявлены данные о двух семьях: военнопленного лейтенанта Асакура Сиодзо и интернированного Тойзуми Кэнрю. Лейтенант ветеринарной службы Асакура Сиодзи, 1906 г. рождения, японец, образование высшее, ветеринарный врач, был пленен 27 августа 1945 г. в городе Гирин, Маньчжурия. До пленения служил в 3759 обозном батальоне Квантунской армии. В армию был мобилизован в 1941 г. Вместе с ним в плен добровольно пошла и его жена Асакура Тиёко, 1914 г. рождения, с сыном Митихико 1941 г. рождения (в других документах – 1942 г. рождения). В октябре 1945 г. семья лейтенанта Асакура была вместе с ним направлена в лагерь № 36 (лагерное отделение № 2). Этот лагерь дислоцировался в Алтайском крае. В 1946 г. у лейтенанта Асакура и его жены Тиёко в лагере родился второй сын Кэнсукэ. В плenу Асакура Сиодзи был заместителем командира батальона японских военнопленных. Характеризовался положительно. 4 ноября 1947 г. Асакура вместе со своей семьей был передан из лагеря № 36 в лагерь репатриации № 380 (бухта Находка). Двухлетнее пребывание семьи Асакура в плenу закончилось благополучно.

Судьба интернированного Тойзуми Кэнрю и его семьи сложилась трагично. 22 августа 1945 г. вольнонаемный переводчик с русского языка японской военной миссии (подразделение военной разведки Японии) Тойзуми Кэнрю, 1918 г. рождения, уроженец города Аватабэ, префектура Фукуи, Япония, был интернирован советскими войсками и направлен в лагерь для военнопленных. Вместе с ним добровольно пошла в

³⁷ ЦХИДК, коллекция документов.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

и вся его семья: жена – Тойзуми Ионэко 1913 г. рождения и шестеро детей: сын юди 13 лет, дочь Акэми 11 лет, сын Сатоси 9 лет, сын Тору 7 лет, дочь Хироми лет и сын Масару 2 лет. После прибытия в Приморский край, в лагерь для военно-ленных № 13 (лагерное отделение № 12) Тойзуми Ионэко стала работать переводчиком. В начале декабря 1946 г. Ионэку вместе с детьми была депатриирована в Японию, а ее муж остался в плену и был депатриирован лишь в декабре 1956 г. Передъездом в Японию Тойзуми Ионэку написала 1 декабря 1946 г. заявление-просьбу в адрес руководства управления МВД Приморского края, в котором поблагодарила за внимание к ней и ее семье и просила похдатайствовать перед Советским правительством о скорейшей депатриации на родину ее мужа Тойзуми Кэнрю: "Выезжая из страны Советов первым рейсом я оставляю Вам письмо... Теперь навсегда покидая эту страну, я сохраняю в памяти вечно дорогое воспоминание о России, где я прожила 11 месяцев, где я, живя и работая, забывала о том, что я человек совершенно чужой в этой стране, что я человек из прежней – побежденной страны... уезжая я чувствую, что в Японии мне придется жить очень тяжело с шестью детьми, не имея родного толка и капитала, но, конечно, постараюсь побороть все трудности до приезда в Японию моего мужа Тойзуми Кэнрю (39 лет) и если это возможно, похдатайствовать о скорейшем выезде его на родину. Это моя просьба к Вам"⁴¹. Ее письмо 21 декабря 1946 г. за № 26/3976 было направлено заместителю начальника ГУПВИ генерал-майору И.А. Петрову, который доложил о нем министру МВД Круглову. В свою очередь Круглов 14 января 1947 г. (исходящий № 222/к) направил письмо Тойзуми Ионэко Сталину, Молотову и Берии.

Дальнейшие события для Тойзуми Кэнрю развернулись трагично: его перевели в Караганду в лагерное отделение № 20 лагеря для интернированных № 99, где 11 января 1949 г. он был арестован на основании заведенного на него уголовного дела по статье 58-6 часть 1 УК РСФСР (шпионаж).

Как отмечено в постановлении об избрании меры пресечения от 7 января 1949 г., Тойзуми Кэнрю "с 1938 г. по день капитуляции Японии работал переводчиком русского языка в японских военных миссиях городов Ханьчунь и Канто. Работая в указанной должности, Тойзуми занимался сбором и обработкой сведений разведывательного характера об СССР. Во время конфликта на озере Хасан Тойзуми участвовал в составе разведгруппы по сбору разведданных о частях Советской Армии"⁴². 28 февраля 1949 г. Тойзуми Кэнрю был осужден закрытым судом военного трибунала войск МВД Казахской ССР на 25 лет. На суде защита Тойзуми отсутствовала. В 1956 г. Тойзуми был освобожден и депатриирован в Японию, однако в России он до сих пор не реабилитирован.

Рамки журнальной статьи не позволяют охватить все стороны рассматриваемой проблемы. Для ее полного раскрытия необходимы совместные усилия российских и японских исследователей. Ведь Россия и Япония – соседи, а соседям необходимо найти такие формы взаимоотношений, которые позволили бы, учитывая и позитивный и негативный опыт прошлого, сохранять мир и добрососедство.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.